

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-89-96

БУЛАКОВ Олег Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичной власти
и правового положения личности, Институт Правоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия,
e-mail: bulakov62@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПРАВ И СВОБОД

Аннотация. В системе конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина государственная защита занимает особое место. Она не сводится к одной из гарантий, дополняющих субъективное право, а выражает исходное обязательство публичной власти обеспечивать реальность всего конституционного статуса личности. Конституция Российской Федерации исходит из аксиологической формулы, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства. Поэтому государственная защита выступает юридическим мостом между декларацией прав и их практической исполнимостью: без нее право остается нормативно провозглашенным, но социально уязвимым притязанием.

Ключевые слова: конституционный принцип, государственная защита прав, права и свободы человека, статус личности, конституция.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public Authority
and Legal Status of the Individual, Institute of Jurisprudence Russian State
University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia

STATE PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF RIGHTS AND FREEDOMS

Annotation. In the system of constitutional principles of human and civil rights and freedoms, state protection occupies a special place. It does not come down to one of the guarantees that complement subjective law, but expresses the original obligation of the public authority to ensure the reality of the entire constitutional status of the individual. The Constitution of the Russian Federation proceeds from the axiological formula, according to which a person, his rights and freedoms are the highest value, and the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms constitute the duty of the state. Therefore, state protection acts as a legal bridge between the declaration of rights and their practical enforceability: without it, the right remains a normatively proclaimed, but socially vulnerable claim.

Key words: constitutional principle, state protection of human rights, rights and freedoms, individual status, constitution.

Нормативным ядром принципа государственной защиты прав и свобод человека и гражданина является часть 1 статьи 45 Конституции РФ: «Государственная защита прав и свобод

человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Эта формула должна толковаться во взаимосвязи со статьями 17, 18, 46, 52 и 53 Конституции РФ. В таком системном прочтении государственная защита означает не только

обязанность реагировать на уже совершенное нарушение, но и обязанность создавать правовой порядок, при котором права могут реализовываться без чрезмерных препятствий, а при нарушении - восстанавливаться в эффективной процедуре.

Государственная защита нередко описывается через категорию гарантий прав личности. Такой подход методически оправдан, поскольку позволяет показать организационные, процессуальные, материальные и идеологические условия осуществления прав. Однако для конституционного права принцип государственной защиты шире обычной гарантии: он задает критерий оценки всей деятельности законодателя, исполнительной власти, суда, прокуратуры, органов местного самоуправления и иных публично значимых институтов. В этом смысле он имеет одновременно субъективное и объективное содержание. [1]

Субъективное содержание принципа выражается в праве каждого требовать от государства правовой защиты, обращения к компетентным органам, судебного рассмотрения, восстановления нарушенного права, компенсации вреда, устранения незаконного акта или бездействия. Объективное содержание состоит в обязанности государства поддерживать такую институциональную среду, в которой защита прав является доступной, своевременной, профессиональной, беспристрастной и исполнимой. Именно поэтому принцип государственной защиты прав и свобод нельзя понимать как факультативное направление государственной политики; он является конституционно обязательной функцией публичной власти. [2]

Государственная защита прав и свобод связана с другими принципами конституционного статуса личности. Она опирается на всеобщность и неотчуждаемость прав, равенство всех перед законом и судом, непосредственное действие прав и свобод, недопустимость произвольного ограничения прав, право на самозащиту и возможность обращения в межгосударственные органы по защите прав человека при соблюдении установленных условий. В системе главы 2 Конституции РФ статья 45 не является изолированной нормой: она закрепляет общий защитный режим, который конкретизируется в специальных конституционных гарантиях.

Прежде всего, государственная защита производна от принципа непосредственного действия прав и свобод. Если права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, то вся публичная

власть должна быть организована не вокруг удобства управления, а вокруг защищенности личности. Иначе говоря, правовое государство проверяется не количеством провозглашенных прав, а качеством механизмов их защиты.

Международно-правовой контекст также подтверждает, что эффективная защита является обязательным элементом правового статуса личности. Международный пакт о гражданских и политических правах требует обеспечить эффективное средство правовой защиты лицу, права которого нарушены, а также обеспечить рассмотрение такого средства компетентным судебным, административным или законодательным органом. Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами. Эти положения важны не как внешняя риторика, а как универсальный стандарт: право должно иметь процедуру защиты, а процедура должна приводить к реальному результату. [3]

В сравнительно-правовом плане значимыми остаются стандарты Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, прежде всего право на справедливое судебное разбирательство и право на эффективное средство правовой защиты. После прекращения участия Российской Федерации в Конвенции 16 сентября 2022 г. данные стандарты не являются для России действующим международно-договорным механизмом в прежнем виде, но сохраняют научное значение для анализа критериев эффективности национальной защиты: доступность процедуры, независимость органа, разумный срок, исполнимость решения, компенсационный эффект.

Внутри российской конституционной системы принцип государственной защиты выполняет интегрирующую функцию. Он связывает материальные права с процессуальными гарантиями, а индивидуальную свободу - с публичной ответственностью государства. Поэтому при преподавании темы прав и свобод целесообразно рассматривать государственную защиту не после перечня отдельных прав, а как сквозной принцип: каждое право должно быть объяснено через вопрос о том, кто, в какой процедуре, в какие сроки и каким юридическим результатом обязан его защитить.

Содержание обязанности государства по защите прав и свобод многоуровнево. На первом уровне находится обязанность признания прав: публичная власть должна исходить из того, что права не создаются государством произвольно, а признаются им как конституционная ценность. На втором уровне расположена обязанность

соблюдения прав: органы власти и должностные лица должны воздерживаться от незаконного вмешательства в сферу свободы личности. На третьем уровне находится собственно обязанность защиты: государство должно активно пресекать нарушения, восстанавливать положение лица, компенсировать вред и устранять причины нарушения.

Конституционный Суд РФ последовательно рассматривает признание, соблюдение и защиту прав и свобод как основополагающую обязанность государства. В его правовых позициях подчеркивается, что государство, будучи правовым и социальным, должно обеспечивать такое качество законодательного регулирования и правоприменения, которое исключает произвольное умаление прав и гарантирует восстановление нарушенного состояния. Эта позиция имеет принципиальное значение: дефект закона или процедуры также может быть формой нарушения обязанности по защите прав. [4] Важным элементом принципа является запрет фискального, организационного или бюрократического обусловливания основных прав. Конституционные права не могут ставиться в зависимость от удобства бюджета, ведомственной нагрузки, несовершенства информационных систем или отсутствия межведомственного взаимодействия. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что основные права гарантируются Конституцией без условий, которые фактически блокируют их осуществление. [5]

Конституционная обязанность защиты включает как негативный, так и позитивный аспекты. Негативный аспект означает запрет органам власти самим нарушать права, принимать произвольные решения, игнорировать процедуру, уклоняться от рассмотрения обращений, создавать дискриминационные условия доступа к публичным услугам. Позитивный аспект предполагает активную деятельность: принятие законов, финансирование институтов защиты, организацию судебной системы, развитие бесплатной юридической помощи, цифровых сервисов, механизмов контроля, публичной отчетности и правового просвещения.

Особенность государственной защиты состоит в том, что она обращена не только против противоправного поведения частных лиц, но и против самой публичной власти, если последняя нарушает права. В этом состоит зрелость конституционного принципа: государство обязано создавать процедуры защиты от собственных органов и должностных лиц. Статья 46 Конституции РФ прямо гарантирует возможность обжалования в суд решений и действий или бездействия органов государственной

власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Тем самым конституционная модель исходит из недопустимости административной окончательности в вопросах прав человека.

Государственная защита прав и свобод реализуется через совокупность институтов, каждый из которых имеет собственную компетенцию, процедуру и юридический результат. К числу таких институтов относятся суды, Конституционный Суд РФ, прокуратура, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и уполномоченные в субъектах РФ, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, адвокатура, система бесплатной юридической помощи, нотариат, органы контроля и надзора, а также публичные цифровые платформы подачи обращений и жалоб.

Уполномоченный по правам человека является специализированным парламентским институтом, предназначенным для содействия восстановлению нарушенных прав, совершенствования законодательства и развития международного сотрудничества в сфере прав человека. Его значение заключается не в замещении суда, а в создании дополнительного канала защиты, особенно в ситуациях, где проблема носит системный характер или где лицо не обладает достаточными ресурсами для самостоятельного продвижения своей позиции. [6]

Прокуратура выполняет надзорную и правозащитную функцию в публичном интересе. Ее полномочия по выявлению нарушений закона, внесению представлений, принесению протестов, обращению в суд и участию в рассмотрении дел позволяют реагировать на массовые или социально значимые нарушения, а также защищать права лиц, которые по возрасту, состоянию здоровья или иным обстоятельствам не могут самостоятельно обратиться за защитой. При этом прокурорская защита не должна подменять судебную независимость и состязательность процесса; ее конституционный смысл - усилить, а не бюрократизировать механизм восстановления прав. [7]

Адвокатура, будучи институтом гражданского общества и профессиональной юридической помощи, занимает особое место в механизме защиты. Хотя адвокатура не является органом государственной власти, государственная защита прав была бы неполной без гарантированного доступа к квалифицированной юридической помощи, поскольку право на защиту часто не может быть реализовано без профессионального представительства. Поэтому конституционный принцип государственной защиты включает

обязанность государства уважать независимость адвокатуры, обеспечивать процессуальные гарантии адвокатской деятельности и развивать доступ к юридической помощи для социально уязвимых групп.

Система бесплатной юридической помощи является социально-правовым механизмом, призванным снизить имущественный барьер доступа к защите. Федеральный закон о бесплатной юридической помощи закрепляет категории граждан и виды помощи, включая консультирование, составление документов и представительство в суде в установленных случаях. Практическая ценность этой системы зависит от трех факторов: информированности граждан, реального качества юридической помощи и достаточного финансирования участников системы.

Государственная защита прав и свобод осуществляется в различных формах. Административная форма включает рассмотрение обращений граждан, ведомственные жалобы, контрольные и надзорные процедуры, предоставление государственных и муниципальных услуг, восстановление документов, исправление реестровых ошибок, отмену незаконных административных актов. Федеральный закон о порядке рассмотрения обращений граждан закрепляет общие правила подачи, регистрации и рассмотрения обращений, что делает право на обращение одной из базовых процедур включения гражданина в диалог с публичной властью.

Административная защита имеет достоинства оперативности, профессиональной специализации и возможности устранить нарушение без судебного спора. Но она несет и риски: ведомственная солидарность, формализм, повторное направление жалобы тому же органу, затягивание сроков, отсутствие реального восстановления. Поэтому административная процедура не может окончательно закрывать путь в суд. Ее назначение - быть первым и эффективным уровнем защиты, а не фильтром, блокирующим судебную гарантию.

Судебная форма является центральной в конституционном механизме защиты. Она охватывает гражданское, административное, арбитражное, уголовное и конституционное судопроизводство. Кодекс административного судопроизводства РФ имеет особое значение для защиты прав в публично-правовых спорах, поскольку именно в административном процессе гражданин или организация оспаривает нормативные правовые акты, решения, действия или бездействие публичной власти. [8]

Компенсационная форма защиты

выражается в возмещении вреда, компенсации морального вреда, компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также в специальных механизмах реабилитации. Федеральный закон № 68-ФЗ закрепляет самостоятельную процедуру компенсации за чрезмерную длительность судебного разбирательства или исполнения судебного акта. Гражданское законодательство, в свою очередь, предусматривает ответственность публичной власти за вред, причиненный незаконными действиями или бездействием органов и должностных лиц. [9]

Конституционная форма защиты реализуется через обращение в Конституционный Суд РФ, когда нарушенные права связаны с применением закона, не соответствующего Конституции РФ или допускающего неконституционное истолкование. Конституционное правосудие не заменяет суды общей и арбитражной юрисдикции, но устраняет нормативную причину нарушения. В результате защита отдельного заявителя приобретает публично-правовой эффект: неконституционная норма утрачивает силу либо получает обязательное конституционно-правовое истолкование.

Судебная защита является ядром принципа государственной защиты по нескольким причинам. Во-первых, суд обладает конституционной функцией правосудия и обязан разрешать спор независимо от ведомственных интересов. Во-вторых, судебный акт имеет обязательную силу и подлежит исполнению. В-третьих, суд обеспечивает процессуальные гарантии: равенство сторон, состязательность, право быть выслушанным, право на мотивированное решение, возможность обжалования. В-четвертых, судебная защита направлена не только на констатацию нарушения, но и на восстановление права.

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод. Такая защита предполагает законный, независимый и беспристрастный суд, определенность подсудности, справедливую процедуру и исполнимость решения. Из этого следует, что формальное наличие суда еще не означает надлежащего исполнения принципа государственной защиты; необходимо оценивать качество процедуры и фактический результат. [10]

Право на доступ к правосудию имеет особую системную роль. Оно является гарантией всех других прав: если лицо не может добиться

судебного рассмотрения, то нарушенное материальное право фактически теряет юридическую силу. Поэтому ограничения доступа к суду требуют повышенной конституционной оценки. Недопустимы такие процессуальные конструкции, которые создают неоправданные барьеры: чрезмерные пошлины, неясные правила подсудности, невозможные сроки, обязательные досудебные процедуры, после прохождения которых судебная защита фактически блокируется. [11]

Судебная защита имеет и дисциплинирующее значение для публичной администрации. Возможность судебного контроля заставляет органы власти мотивировать решения, соблюдать компетенцию, учитывать права затрагиваемых лиц, формировать доказательственную базу и исполнять принятые судебные акты. В этом смысле суд не только восстанавливает нарушенное право, но и повышает качество публичного управления.

Вместе с тем судебная защита не должна рассматриваться как единственная форма государственной защиты. Если любой конфликт с публичной властью может быть разрешен только в суде, это означает дефицит административной культуры и слабость внесудебных процедур. Зрелая модель защиты предполагает разумную последовательность: профилактика нарушения, административное исправление ошибки, судебное восстановление права, компенсация вреда и системное изменение практики. Суд должен быть надежным последним рубежом, но не единственным рабочим инструментом.

Конституционное правосудие имеет особое значение для принципа государственной защиты, поскольку оно защищает права не только от единичного правоприменительного акта, но и от неконституционного закона, порождающего серию нарушений. Если обычный суд восстанавливает право в конкретном деле, то Конституционный Суд РФ выявляет пределы законодательного усмотрения, устраняет неопределенность и задает обязательный стандарт правоприменения. Поэтому конституционная жалоба является инструментом не только индивидуальной, но и структурной защиты.

В доктрине судебного конституционализма подчеркивается, что правовые позиции Конституционного Суда РФ выполняют нормативно-ориентирующую функцию: они связывают текст Конституции с конкретными правовыми ситуациями и задают пределы допустимого публичного вмешательства. Для принципа государственной защиты это означает, что защита прав не исчерпывается буквальным применением закона; суд и иные органы обязаны

применять закон в конституционно согласованном смысле. [12]

Конституционный Суд РФ многократно указывал, что правосудие должно обеспечивать справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах. Это требование распространяется не только на судебные процедуры в узком смысле, но и на законодателя, который обязан создавать такие процедуры, которые не делают защиту иллюзорной. Если закон формально предоставляет средство защиты, но делает его чрезмерно сложным, дорогим, неопределенным или бессмысленным по результату, он противоречит содержанию статьи 45 Конституции РФ. [13]

Системная роль конституционного правосудия особенно заметна в делах о компенсации вреда, разумных сроках, доступе к суду, праве потерпевших, защите социальных прав, пересмотре дел после признания нормы неконституционной. В этих категориях дел Конституционный Суд РФ фактически переводит конституционный принцип из плоскости общей декларации в плоскость практических критериев: наличие процедуры, разумность условий, пропорциональность ограничений, реальность восстановления, недопустимость чрезмерного бремени для заявителя.

Часть 2 статьи 45 Конституции РФ закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Это положение принципиально важно: государственная защита не монополизирует защиту прав. Лицо вправе самостоятельно выбирать правомерные способы защиты, обращаться к адвокату, использовать общественные объединения, средства массовой информации, профессиональные союзы, медиацию, переговоры, претензионный порядок, публичные обращения. Самозащита выражает активную правовую субъектность личности.

Однако самозащита не отменяет обязанности государства. Напротив, ее конституционный смысл состоит в расширении пространства правомерной активности гражданина. Государство должно признавать результаты самозащиты, не препятствовать ей, обеспечивать безопасность лица, использующего законные способы защиты, и предоставлять доступ к официальным процедурам, когда самостоятельные меры недостаточны. В противном случае ссылка на самозащиту превращается в способ снятия с государства его конституционной ответственности.

Соотношение государственной защиты и самозащиты можно представить как модель взаимного дополнения. Самозащита обеспечивает

оперативность и автономию, государственная защита - публичную принудительность, авторитетность и исполнимость результата. Например, гражданин может направить претензию, собрать доказательства, обратиться за юридической консультацией, публично заявить о нарушении, но признать акт незаконным, взыскать компенсацию или обязать орган власти совершить действие может только компетентный публичный институт. С этой точки зрения важна правовая культура защиты. Чем выше уровень правовой грамотности граждан, тем эффективнее работает и государственная защита: обращения становятся более предметными, доказательства - более качественными, административные органы - более дисциплинированными, суды - лучше информированными о сути нарушения. Поэтому правовое просвещение является не периферийной, а конституционно значимой предпосылкой реализации статьи 45 Конституции РФ. [14]

Эффективность государственной защиты должна оцениваться не только по формальному наличию законов и органов, но и по реальным возможностям лица добиться восстановления права. В юридико-практическом плане можно выделить несколько критериев эффективности: доступность процедуры, определенность компетенции, разумный срок, профессиональность рассмотрения, беспристрастность органа, возможность участия заявителя, мотивированность решения, наличие механизма исполнения и компенсационный результат.

Первый критерий - доступность. Процедура защиты не должна быть настолько сложной, чтобы лицо объективно не могло ею воспользоваться. Недопустимы непрозрачные правила подсудности, чрезмерная стоимость обращения, искусственные требования к форме документов, невозможность подачи документов в электронном виде при фактической цифровизации других государственных функций. Доступность означает также физическую, языковую, цифровую и социальную доступность для пожилых людей, инвалидов, малоимущих, жителей отдаленных территорий.

Второй критерий - своевременность. Защита, предоставленная слишком поздно, часто утрачивает смысл. Поэтому разумный срок является не технической характеристикой процесса, а элементом самого права на защиту. Особенно это заметно в делах о медицинской помощи, социальных выплатах, жилищном обеспечении, доступе к информации, избирательных правах, семейных отношениях и защите от насилия. В таких делах промедление

может привести к необратимым последствиям.

Третий критерий - восстановительный характер. Государственная защита должна быть направлена на восстановление нарушенного права, а не только на регистрацию жалобы или дисциплинарное наказание виновного должностного лица. Для гражданина имеет значение не ведомственная статистика, а конкретный результат: отмена незаконного решения, предоставление услуги, возврат имущества, компенсация вреда, внесение исправлений в реестр, прекращение противоправного воздействия.

Четвертый критерий - исполнимость. Судебное или административное решение, которое не исполняется, подрывает доверие к государству и превращает право на защиту в формальность. Поэтому исполнительное производство, бюджетные механизмы исполнения судебных актов, персональная ответственность должностных лиц и цифровой мониторинг исполнения являются не вторичными процедурами, а частью конституционного механизма защиты.

Пятый критерий - системный эффект. Если однотипные жалобы возникают массово, государственная защита не должна ограничиваться индивидуальными решениями. Необходимы изменение административной практики, корректировка нормативного акта, разъяснение компетентного органа, обучение должностных лиц, межведомственное взаимодействие. Иначе защита превращается в бесконечное исправление повторяющихся ошибок, а не в устранение причины нарушения.

Несмотря на развитую нормативную базу, реализация принципа государственной защиты сталкивается с рядом устойчивых проблем. Первая проблема — формализация процедур. Органы власти иногда подменяют защиту прав ответами по существу тем, что пересказывают нормы закона или сообщают об отсутствии оснований для вмешательства без проверки фактических обстоятельств. Такая практика внешне соблюдает порядок рассмотрения обращения, но не выполняет конституционную задачу восстановления права.

Вторая проблема - фрагментарность компетенции. Гражданин нередко сталкивается с ситуацией, когда один орган направляет его в другой, второй - в третий, а третий возвращает к первому. Межведомственная разобщенность особенно болезненна в социальных, жилищных, миграционных, медицинских и земельных вопросах. С конституционной точки зрения это не проблема удобства управления, а проблема доступности защиты: государство должно быть

единым адресатом обязанности защищать права, даже если внутри него полномочия распределены между различными органами.

Третья проблема - неравенство ресурсов между гражданином и публичной властью. В споре с государственным органом гражданин часто не обладает сопоставимым доступом к документам, юридическим знаниям, времени и организационным возможностям. Поэтому процессуальное равенство должно дополняться активной ролью суда в публично-правовых спорах, распределением бремени доказывания с учетом доступа к информации, бесплатной юридической помощью и обязанностью органа власти раскрывать мотивы своих решений.

Четвертая проблема - цифровое неравенство. Электронные сервисы подачи обращений, судебных документов и получения государственных услуг повышают скорость и прозрачность защиты, но одновременно создают риск исключения лиц, которые не имеют устойчивого доступа к интернету, цифровых навыков или подтвержденной учетной записи. Поэтому цифровизация защиты прав должна строиться по принципу дополнительности: электронный канал должен расширять доступ, а не заменять все иные формы взаимодействия.

Пятая проблема - недостаточный компенсационный эффект. Восстановление нарушенного права должно сопровождаться адекватной компенсацией, если лицо понесло имущественные потери, моральный вред или длительное ограничение прав. Конституционный смысл статьи 53 состоит не в символическом признании ответственности государства, а в реальном возмещении вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием публичной власти. Компенсация должна быть не карательной, но достаточной для восстановления справедливого баланса.

Цифровизация публичной власти меняет инфраструктуру государственной защиты прав и свобод. Электронные обращения, порталы государственных услуг, цифровые судебные сервисы, дистанционное участие в заседаниях, электронные доказательства, автоматизированные реестры и межведомственные информационные системы способны сделать защиту быстрее и удобнее. Но цифровая среда не отменяет конституционные критерии защиты: законность, доступность, равенство, мотивированность решения, право быть выслушанным, возможность обжалования и ответственность за ошибку алгоритма или информационной системы. [15]

Список литературы:

- [1] Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 327–334.
- [2] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 6-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. Т. 1. С. 642–649.
- [3] Universal Declaration of Human Rights. Art. 8, 10 // United Nations. URK: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 19.06.2026).
- [4] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П. П. 2; см. также правовые позиции КС РФ о признании и гарантированности государством прав и свобод. // Конституционный Суд РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision117354.pdf> (дата обращения: 19.06.2026).
- [5] Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2002 г. № 22-О; правовая позиция воспроизводится в тематической подборке Конституционного Суда РФ «Признание и гарантированность государством прав и свобод». // Конституционный Суд РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByL1756.htm> (дата обращения: 19.06.2026).
- [6] Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861> (дата обращения: 19.06.2026).
- [7] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (дата обращения: 19.06.2026).
- [8] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 19.06.2026).
- [9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 16; часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Ст. 1069, 1070. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.06.2026).
- [10] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284491/ (дата обращения: 19.06.2026).

[11] Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу «Право на доступ к правосудию и законный суд»: тематическая подборка на официальном сайте Конституционного Суда РФ. // Конституционный Суд РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI902.htm> (дата обращения: 19.06.2026).

[12] Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России: доктрина и практика. М.: Норма, 2011. С. 89–107.

[13] Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. М.: Норма, 2018. С. 45–62.

[14] Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. С. 428–436.

[15] Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец, 2003. С. 41–57.

References:

[1] Vitruk N. V. General Theory of the Legal Status of an Individual. Moscow: Norma, 2008. pp. 327–334.

[2] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 volumes. 6th ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020. Vol. 1. pp. 642–649.

[3] Universal Declaration of Human Rights. Art. 8, 10 // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (accessed on 19 June 2026).

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 30, 2012 No. 29-P. P. 2; See also the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the recognition and guarantee of rights and freedoms by the state. // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision117354.pdf> (date of access: 19.06.2026).

[5] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 22, 2002 No. 22-O; the legal position is reproduced in the thematic collection of the Constitutional Court of the Russian Federation “Recognition and Guarantee of Rights and Freedoms by the State”. // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI756.htm> (date of access: 19.06.2026).

[6] Federal Constitutional Act of February 26,

1997 No. 1-FKZ “On the Human Rights Commissioner in the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861> (accessed: June 19, 2026).

[7] Federal Act of January 17, 1992 No. 2202-1 “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (accessed: June 19, 2026).

[8] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (accessed: June 19, 2026).

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ. Art. 16; Part Two of January 26, 1996, No. 14-FZ. Art. 1069, 1070. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: June 19, 2026).

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 11, 2005, No. 5-P; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2017, No. 37-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284491/ (date of access: June 19, 2026).

[11] Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue “Right to access justice and a lawful court”: a thematic selection on the official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI902.htm> (date of access: June 19, 2026).

[12] Bondar N. S. Judicial Constitutionalism in Russia: Doctrine and Practice. Moscow: Norma, 2011. pp. 89–107.

[13] Zorkin V. D. Constitutional Justice: Procedure and Meaning. Moscow: Norma, 2018. pp. 45–62.

[14] Nersesyan V. S. General Theory of Law and State: Textbook. Moscow: Norma; INFRA-M, 2019. pp. 428–436.

[15] Lazarev L. V. Legal Positions of the Constitutional Court of Russia. Moscow: Gorodets, 2003. pp. 41–57.

